

Соколов Сергей Алексеевич

**С железом в руках, с крестом в
сердце**

Записки офицера

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Алексеевич С.**
С железом в руках, с крестом в сердце: Записки офицера / Соколов Сергей Алексеевич –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 159 с.

ISBN 978-5-519-74591-8

ISBN 978-5-519-74591-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

КАКЪ ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рукой Всевышняго хранима,
Навстрѣчу грянувшей грозѣ
Идешь ты, Русь, неколебима
По міровой твоей стезѣ.

Сергій Кречетовъ.

Я не стратегъ и всего менѣе историкъ. Я — только поэтъ, и гляжу на то, что совершается, глазами художника, человѣка отъ искусства. Великая война найдетъ себѣ много историковъ, которые сумѣютъ зафиксировать и возсоздать ее подробно въ ея фактическихъ очертаніяхъ.

Мои писанія глубоко субъективны. Изображаю то, что говоритъ моему глазу. Пропускаю быть можетъ многое важное. Примѣчаю, навѣрно, многое несущественное только потому, что оно красочно. Но если въ этихъ страницахъ, которыя я набрасывалъ беспорядочно и торопливо, на случайныхъ ночлегахъ, на недолгихъ стоянкахъ подъ грохотъ канонады, отъ которой жалобно звенѣли окна, читатель на мгновенье ощутитъ странное и трудно опредѣляемое чувство войны, вдохнетъ ея неуловимый воздухъ, то мнѣ не нужно ничего другого, ибо я поэтъ.

Если же тотъ, кто прочтетъ мои страницы, замѣтитъ и еще одно: ясную вѣру въ нашъ могучій народъ, въ нашу грядущую полную побѣду и въ свѣтлое будущее славянства, пусть не объясняетъ это моею патріотической настроенностью. Ни мало! Въ этомъ я только похожъ на всѣхъ. Такъ вѣритъ вся армія, такъ вѣрю и я, потому что я русскій.

I.

Вотъ и Тильзитъ позади съ его внушительными памятниками, съ его модными кафе и магазинами, съ его кокетливыми виллами, съ его подвижной, но молчаливой уличной толпой.

Снова гладкое укатанное шоссе, окаймленное старыми деревьями, снова уходящая въ даль безконечная вереница орудій, коней и зарядныхъ ящиковъ, снова перебрасывающаяся по колоннѣ команда „ѣздовые слѣзай“ и короткіе 15-минутные привалы, гдѣ еле успѣешь, растянувшись на зеленомъ откосѣ шоссе, выкурить папиросу и погрызть вынутаго изъ кобуры шоколаду, такъ славно пахнущаго кожей.

Передъ закатомъ мы прибыли въ С., живописное нѣмецкое мѣстечко, утопающее въ садахъ.

Обычная встрѣча. Всѣ жители у домовъ. Низкіе подобострастные поклоны и любезно предлагаемые проходящимъ войскамъ корзины съ яблоками и грушами.

Что говорило въ этихъ людяхъ съ ихъ угощеніями и привѣтствіями? Только ли страхъ за себя и надежда смягчить сердца „свирѣпыхъ сѣверныхъ варваровъ“? Или, быть можетъ, злорадная увѣренность въ будущей

расплатѣ еще ниже гнула ихъ спины? Кто разгадаетъ!

Отрядъ миновалъ мѣстечко и расположился бивакомъ въ полѣ, гдѣ вдоль дороги тянулось нѣсколько отдѣльныхъ домовъ и стояла неподалеку отъ послѣдняго высокая вѣтряная мельница. Наша батарея стала у мельницы. Мы, офицеры, расположились въ ста шагахъ, въ маленькомъ средней руки домикѣ съ сараемъ и надворными стройками.

У мельницы разбили палатку. Чай пить рѣшили въ домикѣ, почевать въ палаткѣ.

Быстро вскипятили чайникъ, хлопотливые вѣстовые уже извлекли наши разнообразные припасы. Мы сѣли за столъ.

Вдругъ тревожные возгласы снаружи и сквозь нихъ отчетливо вливающееся черезъ открытое окно какое-то странное, низкое гудѣніе.

Аэропланъ! Мы вскочили и бросились вонъ изъ дома.

Помню, когда я выскочилъ на крыльцо, со всѣхъ сторонъ уже трещала ружейная перестрѣлка. Пули свистѣли во всѣхъ направленіяхъ, звонко чмокая въ стѣны сараевъ и высокія кровли домовъ. Съ деревьевъ у дороги сыпалась листва. Сзади рѣзко и ритмически, точно проворныя металлическія сѣялки, стрекотали пулеметы.

— Вотъ оно... Должно быть, еще и засада!..—промелькнуло у меня въ головѣ. И первое движеніе,—скорѣе къ батарее, къ своимъ.

Я быстро пробѣжалъ черезъ дворъ и на мигъ остановился у воротъ, чтобъ разобратъся, откуда идетъ опасность. Внезапно сильнѣйшій ударъ сзади въ бедро, и я качусь по землѣ, нѣсколько разъ перевернувшись отъ силы удара.

„Кончено... раненъ“, — звенить въ мозгу. Сбоку проносится тяжелая артиллерійская повозка, влекомая парой взбѣсившихся лошадей. Вотъ въ чемъ дѣло! Встаю, ощупываю бедро. Ничего, ходить можно, это только ушибъ. Спѣшу, прихрамывая, налѣво, къ мельницѣ, гдѣ стоитъ батарея. Пули жужжатъ, какъ осы.

Рядомъ перебѣгаютъ отдѣльные пѣхотинцы и стрѣляютъ съ колѣна куда-то вверхъ.

Подымаю голову, — вверху, на темнѣющемъ небѣ гудя, проносится огромная зловѣщая черная птица съ загнутыми крыльями. Два-три круга, и она удаляется постепенно скрываясь изъ глазъ.

Стрѣльба стихаетъ... Громкіе окрики офицеровъ быстро прекращаютъ послѣдніе, одиночные, уже не-нужные выстрѣлы. Рядомъ съ мельницей группа солдатъ, столпившись, окружаетъ неподвижное тѣло. Это одинъ нашъ молодой артиллеристъ, застигнутый во время перестрѣлки шальнойю случайной пулей. Бѣдняга, кажется, уже не дышитъ, и смертныя тѣни легли на его безбородое, чѣмъ-то удивленное, съ черными усиками лицо. Его увозятъ въ лазаретной линейкѣ.

Мнѣ нужно зайти по дѣлу къ командиру бригады. Тороплюсь сдѣлать это, пока еще не темно.

Бѣлый домъ на окраинѣ города. Возлѣ садъ съ цвѣтущими клумбами, газономъ, бесѣдками и отягченными плодами деревьями. Фасадъ и ажурный балконъ увиты виноградомъ, и спѣлыя его гроздья выглядываютъ изъ-за пышной листвы.

Посылаю доложить о себѣ. Командиръ бригады, полковникъ К., изысканно свѣтскій петроградецъ (чуть не сказалъ „петербуржецъ“), любезно приглашаетъ остаться пить чай.

Мнѣ начинаетъ казаться—нѣтъ ни войны, ни аэроплановъ, ни пулеметовъ. Изящная гостиная съ легкой свѣтлой мебелью. Столовая изъ сѣраго клена. Хорошее пианино. Двѣ-три качалки съ небрежно брошенными подушками съ вышитыми вѣнками изъ розъ. Небольшой тонкой работы книжный шкафъ съ отлично подобранными томиками міровой литературы. На немъ бюсты Гете и Шиллера. Чисто одѣтая горничная въ бѣломъ передникѣ и гофреной тюлевой наколкѣ. Ни въ чемъ нѣтъ грузной нѣмецкой претензіи, — на всей обстановкѣ печать хорошаго вкуса и какой-то радостной легкости.

Спрашиваю, кто хозяева. Полковникъ рассказываетъ любопытную исторію. Домъ принадлежитъ двумъ молодымъ состоятельнымъ барышнямъ. При извѣстіи о вступленіи нашихъ войскъ въ Восточную Пруссію, уѣзжая въ Берлинъ, онѣ оставили все, какъ было, въ полномъ порядкѣ, ничего не увозя, и дали прислугѣ такое распоряженіе: „Кто бы ни пришелъ, будь онъ другъ или

врагъ, всякаго принимать радушно, какъ брата. Все въ домѣ къ его услугамъ. Особенно заботиться о раненыхъ, своихъ или чужихъ одинаково, ухаживать за ними и класть ихъ на наши постели“. Онѣ много разъ повторяли это прислугѣ, и та запомнила эти слова буквально.

О, милыя мечтательницы о всеобщемъ братствѣ! Я запомню ваши газельи глаза, ваши лебединыя шеи, ваши руки съ длинными пальцами, что я видѣлъ на большомъ портретѣ въ гостиной. Черезъ какую земную пыль влачите вы теперь ваши легкія одежды! И воцарится ли когда-нибудь на землѣ ваша мечта! Теперь кровавое зарево окутало полміра, Война, гнѣвная богиня, сдвинувъ брови, тяжелой своей стопой идетъ по полямъ, и вашъ тихій голосъ, вашъ кроткій призывъ одиноко потонулъ среди грохота орудій и изступленныхъ криковъ.

Покидаю милое жилище.

Ночь въ палаткѣ. Сверху укрылся пледомъ, но холодъ коварно подбирается снизу, сквозь тонкій, туго натянутый брезентъ походной кровати. Денщикъ забылъ подложить снизу купленный въ Тильзитѣ недорого за чистыя русскія денежки отличный войлочный фильцъ. Ежусь, но встать и позвать его лѣнь.

Утромъ выступаемъ въ 7 часовъ. Короткая молитва надъ могилой убитаго вчера артиллериста. Выѣзжая на шоссе, долго провожаю глазами свѣжій бугоръ земли съ маленькимъ, наскоро сдѣланнымъ бѣлымъ крестомъ.

Мы снова въ пути.

Яснымъ, теплымъ вечеромъ наша бригада стала бивакомъ при большомъ селеніи Г., вдоль великолѣпнаго обсаженнаго вѣковыми тополями и буками шоссе изъ Тильзита въ Кенигсбергъ. Батареи расположились тутъ же на лугахъ и воздѣланныхъ поляхъ, гдѣ въ изобиліи растутъ рѣпа и еще какой-то другой очень сладкій и крупный овощъ, нѣчто среднее между брюквой и рѣпой. Одинъ ѣздовой моего взвода, Пряхинъ, большой любитель сельскаго хозяйства, собиравшійся на родинѣ, гдѣ-то въ Вятской губерніи, держать экзаменъ на помощника агронома, волнуясь и размахивая руками, тщетно доказывалъ, что „по наукѣ“ это овощъ кормовой и предназначенъ только для рогатаго скота.

Солдатики одобрительно покачивали головами. „Наука, оно точно... наука первое дѣло“... Но овощъ ѣли и въ похлебкѣ варили, и похваливали очень.

Вездѣ весело запылали костры. На нихъ какіе-то котелки и чугунки, выросшее какъ изъ-подъ земли немудрое солдатское хозяйство.

Мяса было довольно, и врядъ ли наши солдаты часто ѣдали у себя дома такіе наваристые супы, какіе доставались имъ въ Пруссіи. Не хватало лишь двухъ вещей: хлѣба и соли. И было негдѣ достать, такъ какъ ихъ почти не было у населенія. Хлѣбъ не замѣнишь ничѣмъ, но насчетъ соли ухитрялись.

Сыпали какое-то красное минеральное вещество,

употребляемое нѣмцами для удобренія огородовъ. Ни чего,—сходило...

Офицеры нашей батареи расположились въ маленькой, покинутой жителями, крестьянской усадьбѣ. Среди другихъ домъ изъ самыхъ неважныхъ, и все-таки тамъ четыре комнаты, постели съ занавѣсками и полочки съ дешевымъ фарфоромъ. На стѣнахъ портреты. Вотъ почтенный лысый отецъ семейства въ неуклюжемъ сюртукѣ и съ нимъ рядомъ круглолицая фрау въ накрахмаленномъ чепцѣ и со связкой ключей у пояса, знакомъ ея хозяйской власти. Вотъ ихъ сынъ, молодой прусскій пѣхотинецъ. Снять онъ явно при помощи трафарета, гдѣ въ готовую фигуру вставляется одно лицо. Онъ почему-то верхомъ. Одной рукой, подбоченившись, держитъ узду, другою указываетъ впередъ, гдѣ бѣгутъ устрешенные непріатели, конечно, съ весьма окладистыми бородами. Конь попираетъ ногами пушку. Лицо у солдата круглое, безбровое, съ ямочками на щекахъ.

Фигура въ профиль, лицо en face, — картина, могу сказать, величественная.

И рядомъ еще фотографія: онъ же съ невѣстой, миловидной, съ большими косами, такой же круглолицей и тоже съ ямочками. Стоять, держась за руки. Внизу на паспорту, два голубка и надпись: „Фрицъ Шольпъ и Грета Майеръ. Обручены 1 іюля 1914 г.“.

Гдѣ ты теперь, почтенная фрау въ чепцѣ и съ ключами, и ты, голубоглазая Грета? Знаете ли вы, что рус-

скій „варваръ“ безопасно разлегся на вашей постели и ваши фарфоровыя тарелочки дрожать отъ испуга на своихъ полочкахъ, когда мимо въ своихъ грузныхъ сапогахъ проходитъ мой денщикъ.

На другой день, часовъ въ шесть вечера, мы получили приказъ выступить и къ ночи занять позиціи на правомъ берегу рѣки, впадающей въ Балтійское море, верстахъ въ двѣнадцать къ сѣверу. По ту сторону рѣки городъ и вдоль теченія рядъ укрѣпленныхъ непріятельскихъ позицій, защищающихъ подступы къ Кенигсбергу.

Къ позиціямъ вело прямое шоссе, но такъ какъ въ значительной части оно пролегало по возвышенности въ районѣ непріятельскаго обстрѣла, нашъ отрядъ рѣшили провести лѣсомъ, чтобы уже затемно, скрыто отъ нѣмцевъ, размѣстить на позиціяхъ.

Мнѣ хорошо запомнился этотъ вечеръ.

Сперва шоссе, потомъ рѣзкій поворотъ влѣво, у маленькаго кладбища съ зелеными деревянными скамейками, кустами акацій, плющомъ на памятникахъ и бѣлыми каменными крестами. Дальше небольшія фермы, еще неубранныя нивы, лѣсная опушка съ какими-то павильонами, бесѣдками и столиками для народныхъ гуляній. Навѣрно, сюда любила приходить окрестная молодежь и степенные бюргеры изъ города, чтобы мирно выпить за этими бѣлыми столиками свое неминуемое пиво.

Потомъ старый береженный, подчищенный, съ пря-